

Евгений КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Ян Декерт

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«В 1789 году начался так называемый великий сейм; два вопроса занимали его главным образом: один – как добыть денег на содержание войска, другой – какой учредить в Польше образ правления, который был бы прочен, утвердил бы общее спокойствие и пришёлся всем по сердцу. В это время явился в Польше новый деятель: это был Ян Декерт...»

Евгений Петрович Карнович
Ян Декерт

Утвердительно можно сказать, что ни одно племя не представляло столько разнообразных видов государственного управления, сколько представило их племя славянское: на севере, в Новгороде, оно образовало могущественную торговую республику; на юге, в Малороссии, – военную; посреди их сперва явилась держава, делившаяся между членами одного рода, потом из соединения этих раздробленных государственных участков возникло московское единодержавие; далее на юго-западе, в Черногории, одна из славянских отраслей составила другую военную общину, в которой с властью народного вождя соединился сан святителя. Несомненно однако, что самое своеобразное государственное устройство представляла Польша.

Из помещаемых здесь очерков и рассказов читатель может составить себе общее понятие о том положении, в котором находилась Польша пред концом своего самобытного существования, и поэтому в настоящем рассказе поясним только те события, которые приготовили 3-е мая 1791 года, день, когда могла начаться для Польши новая политическая

жизнь.

Около второй половины XVIII столетия, беспорядки в правлении Речи Посполитой, развращённость и подкупность большей части лиц высшего класса, буйство мелкой шляхты и угнетение низших сословий достигли крайних пределов, и очевидно было, что для прекращения всей внутренней неурядицы и для избавления Польши от влияния на неё её соседей, пользовавшихся таким ходом дел, необходимо было сделать коренные государственные преобразования. Потребность их стали сознавать и сами поляки, но стремления к новизне и происходящие от них замешательства породили в Польше недоверие одного сословия к другому, взаимную боязнь и зависть и, наконец, открытую вражду между разными партиями, доходившую нередко до ожесточения и заставлявшую, из личных видов, забывать пользу и честь родного края.

Август II, а потом и Понятовский замыслили сделать польский престол наследственным; вообще поляки сознавали пользу этого преобразования, которое могло отвлечь от

Польши прямое участие соседей в выборе короля и подчинение его через это чужеземному влиянию; но вместе с тем польская шляхта видела в наследственности престола уничтожение всего того, что было ей так дорого и что в течение нескольких веков так тесно слилось с государственным бытом Польши. Среднее сословие, для которого желательно было установить наследственность престола, как средство, уничтожавшее отяготительное влияние шляхты на граждан Речи Посполитой, не имело никакого влияния на решение государственных дел; о крестьянстве, или хлопстве, и говорить нечего; казалось, что в Польше все позабыли даже о его существовании. Таким образом весь ход государственных дел сосредоточился к описываемому времени на сеймах, где всего более проявлялся дух магнатских партий, где завязывалась борьба их между собой, и возникали решительные противодействия некоторым королевским намерениям.

Август II, не присмотревшись ещё хорошенько к современному быту Польши, надеялся сделать престол её наследственным в

саксонском доме с помощью своего немецкого войска и при содействии некоторых польских магнатов. Поэтому, чтобы предотвратить влияние шляхты, крепко отстаивавшей своё избирательное право, он старался отучить поляков от сеймов и не собирал их почти в продолжение тридцати лет своего царствования; впоследствии, увидев свою ошибку и убедившись в невозможности достигнуть своих намерений без содействия шляхты, он решился действовать иначе. Его приверженцы разъезжали по Литве и Польше и старались преклонить даже самых убогих дворян к поданию голосов в пользу наследственности польского престола в саксонском доме; но шляхта поняла в чём дело: она предвидела, что если соберётся в Варшаве сейм, то королю удастся осуществить свои замыслы, и потому она теперь в свою очередь старалась не допускать собрания общего сейма. Средство к этому было лёгкое: стоило только, чтобы не составлялись местные сеймики, и шляхта действовала с этою целью неутомимо. Наконец в январе 1733 года королю удалось собрать давно желанный сейм; на нём он хо-

тел решить дело о наследии польского и литовского престолов в саксонском доме, но смерть не допустила его исполнить давно затеянные замыслы; Август II умер в Варшаве 1-го февраля 1733 года, и сейм разошёлся.

В царствование Августа III внутренний раздор в Польше усилился ещё более; наконец дошло до того, что в последние годы его правления послы на сеймах садились уже не на тех местах, которые им, как представителям известного края, были назначены по закону и по обычаю, но рассаживались по партиям, приходили на заседания не одни, но в сопровождении вооружённых приверженцев и большею частью надевали панцири под платья. Когда оканчивалось заседание, то послы опасались расходиться поодиночке и выходили вдруг. Соединившись партиями, они отправлялись домой уже не в каретах, как приезжали, но верхом, боясь, что после бурных заседаний может на улицах Варшавы завязаться бой между приверженцами разных партий, и рассчитывали на то, что среди общего смятения в карете не так легко будет пробраться сквозь разъярённую толпу, как

ускакать от неё верхом.

Особенно, по бурливости своей, был замечателен сейм 1761 года; на нём некоторые послы, чтоб обмануть своих противников, выставляли свои имена на списках всех партий, но когда наступала решительная минута, тогда они неожиданно поддерживали только ту партию, к которой они действительно принадлежали. Такой способ действия не только обессиливал противную сторону, но и отнимал у неё бодрость и поселял в ней недоверие к прочим приверженцам; короче, уничтожал все её планы, все её расчёты.

На сейме 1761 года распри послов дошли до того, что двух князей Радзивиллов с их гусаром выбросили в окно из комнаты, в которой происходили заседания. Наконец, по смерти Августа III, в 1763 году, в Польше явился небывалый случай: противники князей Чарторыйских, имевших в то время огромное влияние на ход дел в Речи Посполитой, чтоб уничтожить это влияние, действовали так, что сейм, собранный для избрания короля, должен был прекратиться, и Польша оставалась без короля, в ужасном беспорядке, около

одиннадцать месяцев.

В 1764 году был избран в короли Станислав Август Понятовский. Поляки весьма основательно укоряют Понятовского, что он предпочитал личные свои выгоды и свой личный сан, а также утверждение на польском престоле рода Понятовских, не только славе, но даже и самобытности своего родного края. С последним намерением короля, конечно, никак не могли освоиться ни магнаты, которые сами мечтали о короне, ни шляхта, которая могла располагать ею по своему произволу. С другой стороны, спокойствие Польши и устранение на дела её чужеземного влияния требовали уничтожения партий, а этого можно было достигнуть только двумя способами: установлением наследственности престола и укрощением своеволия шляхты. Первое трудно было исполнить, для исполнения же второго королю вскоре представился удобный случай.

В 1789 году начался так называемый великий сейм; два вопроса занимали его главным образом: один – как добыть денег на содержание войска, которое предполагалось увели-

читать до 100.000, другой – какой учредить в Польше образ правления, который был бы прочен, утвердил бы общее спокойствие и пришёлся всем по сердцу. В это время явился в Польше новый деятель: это был Ян Декерт. Казалось, судьба не предназначала ему никакого блеска. Смолоду Ян Декерт занимался только двумя предметами – торговлею и охотою; последняя страсть сблизила его с саксонскими офицерами; они, как приятели Декерта по охоте, сделались постоянными его покупателями и доставили ему по торговле большие успехи. Около того же времени богатый варшавский купец Марциновский имел красавицу дочь Юлию. Целая Варшава не могла надивиться её прелестям; блестящая польская молодёжь ухаживала за нею, стараясь получить её руку; но как обыкновенно бывает, что богатые девушки, окружённые толпою поклонников, делаютя слишком разборчивыми, так точно и Юлия, не замечая того, что время летит быстро, и отказывая по очереди всем женихам в ожидании ещё лучшего, засиделась в девках; между тем явилась новая красавица, все отхлынули от Юлии, и она

принуждена была выйти замуж за Декерта. Её значительное состояние, при бережливости Декерта и при капитале, им самим нажитом, составили замечательное состояние. Декерт стал употреблять его на пользу общую, и Речь Посполитая, признательная ему за его добрые дела, дозволила ему купить населённое имение. Декерт легко мог получить дворянское достоинство, но он сам не хотел этого: он желал лучше быть первым мещанином, чем последним шляхтичем; он хотел облагородить своё неизвестное ещё имя чем-нибудь более высоким, чем дворянством, короче – он решился доказать, что сословие городских обывателей было, должно и может быть равным шляхте.

Достигнув почётного звания президента Варшавы, которое соответствует званию городского головы, и постановив употребить свои богатства на пользу того сословия, в котором он принадлежал сам, Декерт стал приводить в исполнение свои похвальные намерения. Он начал с того, что собрал вокруг себя людей, хорошо изучивших историю Польши, и с помощью их отыскал те акты об избрании

польских королей, которые были подписаны мещанами вместе с шляхтою, также такие, из которых видно было, что паны вступали в число городских обывателей, и что они, без утраты шляхетского достоинства, подчинялись городскому праву; что сенаторы занимали городские должности, и что мещане имели право приобретать поместья, что они могли подлежать аресту только в таких случаях, как и шляхтич, что города управлялись сами собою, и что наконец мещане представляли свободное сословие, пользовавшееся такими же преимуществами, как и шляхта. Собрав все эти акты в одну книгу, Декерт оповестил города, что если они хотят узнать свои права и выйти из того унижения, в котором они находятся, то пусть они к известному сроку пришлют в Варшаву своих делегатов; собрание городских представителей Декерт назвал коалициею городов, а не конфедерациею, так как с последним словом соединялось в Польше понятие о своеволии и насилии.

На зов Декерта собрались в Варшаву городские депутаты; казалось, шляхта забыла совсем, что в Речи Посполитой есть, кроме её, и

другие ещё люди, но Декерт и созванные им представители городов напомнили дворянству, что не оно одно составляет целый народ, и что все граждане должны быть равны пред лицом отечества. Декерт, в сопровождении депутатов, одетых в чёрное платье, отправился к королю и почтительно предъявил ему те права, которыми при его предшественниках пользовались в Речи Посполитой городские сословия. Король милостиво принял городских депутатов, признал представление их основательным; но в то же время объявил им, что он сам по себе ничего для них сделать не может, и что они должны обратиться к сейму.

Исполняя волю короля, представители городов вошли попарно в залу сеймовых заседаний. Скромно объявил Декерт членам сейма причину своего появления и прибытия лиц, его сопровождавших; он выразил их желания и изложил пред сеймом те факты, на которых городские сословия основывали свои права; в это время, по распоряжению Декерта, членам сейма роздана была составленная им записка, объяснявшая, что города не требуют для себя никаких новых преимуществ, но

только просят о восстановлении тех прав, которые им принадлежали издревле.

Сейм, как казалось, благосклонно принял представление городских сословий и обещался заняться их делом. Между тем чёрное одеяние городских депутатов стали объяснять двояко: одни принимали это как знак покорности, другие – как предвестие той печали, которою угрожают Речи Посполитой восстающие горожане. Вообще же, видя стремление их в уравнению своих прав с правами шляхты, члены сейма, стараясь остановить это стремление, положили дать дворянство почётнейшим мещанам, и 300 из них получили это достоинство. После этого тщетны были дальнейшие попытки Декерта возвратить своим сословникам их древние права. Измученный неравною борьбою и неизбежными с нею неудачами, Декерт умер с горя, оставив сейму письмо, исполненное горьких и вместе с тем справедливых укоризн. Казалось, со смертью его, шляхта не могла опасаться городских сословий, потому что они остались без руководителя; казалось, король лишился всякой поддержки против шляхты; он старал-

ся поднять городские сословия, чтоб ими подавить своеволие шляхты, не допуская наследственности польского престола; но дело вышло иначе: 3-е мая было уже недалеко.

Предметы, подлежавшие обсуждению сейма, не могли быть решены в скором времени, и поэтому 18-го ноября 1790 года было объявлено о продолжении сейма и в 1791 году. По обычаю, издавна существовавшему в Польше, универсалы о сеймиках, предшествовавших сейму, должны были выходить за четыре недели до начатия самых сеймиков, которые обыкновенно открывались 8-го сентября, в день Рождества Богородицы. В настоящее же время сейм объявил, что, видя способности находящихся на нём послов, он намерен продолжать с ними и дальнейшие свои заседания. Обстоятельство это весьма неблагоприятно подействовало на умы поляков. Обыкновенно сеймовые послы спешили как можно скорее оканчивать дела на сейме, потому что пребывание послов в Варшаве не только могло расстраивать их домашние дела, но и требовало часто особых значительных издержек. Поэтому в прежнее время обыкновенно по-

слы сетовали на продолжение сейма, указывая на это обстоятельство, как на причину своего разорения. На великом же сейме случилось противное: сами послы желали оставаться представителями своего края на дальнейшее время.

Пред рассуждением о продолжении сейма началась речь об избрании будущего короля. Сам Понятовский заговорил об этом; но решение вопроса, избрать ли только ему преемника, или сделать вместе с этим польский престол наследственным в том роде, на который падёт выбор, король предоставил государственным чинам. Надобно заметить, что ещё до 1791 года являлась в речах и в печати мысль о том, какое правление лучше для Польши: избирательное или наследственное? Об этом несколько раз пытался заговорить при начале сейма и Понятовский; но обыкновенно дело это как-то заминали и откладывали на будущее время. Теперь вопрос об этом вдруг получил быстрое движение. После долгих рассуждений и упорных споров решено было большинством голосов сделать престол польский наследственным. Но такой способ

решения этого дела был недостаточен, возник вопрос: утвердить ли это постановление тотчас на сейме, или послать его на предварительное рассмотрение сеймиков. Большинство держалось последнего мнения, и мнение это взяло верх. Сеймовым маршалам поручено было, чтоб при универсалах, собиравших шляхту на сеймики, была приложена повестка с приглашением шляхты давать своё решение и по делу о наследственности престола, с тем, что если они согласятся на это, то обратили бы свой выбор на саксонский дом, так как память о царствовании его в Польше, в продолжение слишком полувека, живёт ещё в памяти народной.

Таким образом Понятовский достиг только сущности дела, но не исполнения своих давнишних замыслов. Не ожидая однако решения, которое состоится на сеймиках, он отважился идти вперёд и, конечно, мог надеяться, что, действуя в пользу городского населения и подавляя свежую его силою упадавшую крепость шляхты, он достигнет своей цели.

Наступило 3-е мая 1791 года. Накануне этого дня король оповестил все магистраты и це-

хи Варшавы, чтобы все их старшины собрались в сенаторской избе, а прочие горожане были бы вооружены, кто чем может, кто пистолетом, кто ружьём, кто топором, кто саблей, и чтобы в то время, когда начнётся заседание, они заняли все выходы из сеймовой избы и двор замка, и были бы готовы исполнять всё то что им прикажут старшины. В день 3-го мая король окружил себя преданными ему офицерами и расположил отряды войска по разным частям королевского замка. Когда собрались члены сейма, король явился среди их и объявил им, что он получил донесения польских посланников из Берлина, Вены, Парижа и Гааги о том, что Польше угрожает новый раздел. Тогда бывшие на стороне короля послы, а между ними первый краковский посол Линовский, обратились к королю и в лестных выражениях высказали, что только мудрость его одного может спасти отечество от угрожающей опасности. В ответ на речи своих приверженцев, король объявил, что он не видит других средств для предотвращения опасности, как только предоставить городам вольность, чтобы тем самым со-

единить городские сословия со шляхтою, и немедленно объявить польский престол наследственным.

Сообщив сейму своё мнение, король приказал прочитать заранее подготовленный проект по этим двум статьям. Секретарь стал читать, но вдруг не только в зале заседаний, но и в коридоре и на дворе раздались громкие восклицания: "Виват вольность городов! Виват наследственность престола!" Противники короля стали возражать, что решение этих постановлений надлежит предоставить всем государственным чинам, что половины послов нет на сейме, что нельзя окончить этих дел так поспешно; некоторые объявили, что самое согласие членов сейма должно считать вынужденным угрозой, потому что толпы горожан созваны королём не для спасения государства, но для гибели шляхты. На эти возражения сеймовый маршал Малаховский отвечал, что предметы эти столь важны, что нельзя терять времени, откладывая их решение.

Напрасно калишский посол Сухоржевский растянулся крестом на полу залы, бился, рвал

волосы, колотил ногами и кулаками по полу крича во всё горло: "стойте, подождите, разрубите меня на части, а потом уже гибните!", вопли его были заглушены криками: "Виват!"

Королю поспешили подать Евангелие, и он пред Турским, епископом краковским, дал присягу защищать уложение 3-го мая до последней капли крови. После этого король пригласил всех наличных членов сейма в приходский костёл для подобной же присяги и таким образом дело о вольности городов и о наследии польского престола, длившееся два года, было кончено в несколько минут.